

На правах рукописи

ФАЗЫЛОВА ЕВГЕНИЯ РАФАЭЛЕВНА

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ
И ЕГО РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ XX ВЕКА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Казань – 2008

Диссертация выполнена на кафедре Теоретических основ коммуникации
Казанского государственного энергетического университета

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор

Тайсина Э.А.

Официальные оппоненты:
доктор философских наук, профессор
кандидат философских наук, доцент

Синцов Е.В.
Мелихов Г.В.

Ведущая организация:
Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Защита состоится 26 июня 2008 г. в 12 часов на заседании диссертационного
Совета Д212.081.16 при Казанском государственном университете по адресу:
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени
Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «____» мая 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Гизатова Г.К.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования.

Проблема, оказавшаяся в фокусе нашего внимания, вероятно, еще не может претендовать на адекватное своим масштабам осмысление в силу того, что нам подчас не хватает той исторической дистанции, которая для этого необходима. То, что в XX веке получило название Лингвистического поворота, простирается от сциентизации языка средствами логики, получившей хождение в рамках философии анализа, от структурной лингвистики де Соссюра к лингвистическим интуициям Гуссерля, онтологизации языковой парадигмы Хайдеггером, структурализму и герменевтике, семиотике, кибернетике, модальной логике.

Если вся совокупность этих дисциплин и поддается некой тематизации, то сделать это возможно лишь на основании понимания языка в качестве смыслового поля, образованного множеством центробежных сил, составляющих в своей целокупности то, что принято называть Лингвистическим поворотом как концептуальной трансформацией философской парадигматики, приведшего к изменениям в культуре и самосознании европейцев.

Актуальность исследования коренится в имманентных самому предмету неисчерпаемых возможностях его интерпретации, не только позволяющих, но и требующих периодического возвращения к языковой и социальной проблематике лингвистического поворота с целью осмысления *события* в новой точке временного континуума, а, следовательно, и обогащения применяемых к нему герменевтических процедур. По значимости своих притязаний и полученных результатов лингвистический поворот сравним с такими революционными прорывами в истории европейской мысли как картезианский поворот Нового времени в его философском приложении и коперниканский поворот в науке. Так же как и лингвистический поворот, последние вызвали глубокие трансформации всего спектра бытия европейского человечества, а, следовательно, и его самосознания. Тем самым эксплицировать его значимость не представляется даже необходимым. Вопрос в другом: диссертанту представляется важным эксплицировать сам факт «явленности» явления как некоего центра бифуркации устоявшейся системы существующих парадигматических установок европейского сознания и культуры. Подобный интеллектуальный взрыв имеет своим следствием неуправляемую цепную реакцию со шлейфом расходящихся следствий, что имело место и в рассматриваемом в работе новом духовном событии: философия, история, политические и социальные науки

ассимилировали и развили новейшие достижения, полученные в результате лингвистической революции.

Благодаря усилиям и достижениям мыслителей времени XX века современная картина мира в принципе приводится к языковой. Номинализм, возобладав над реалистскими, универсалистскими проектами, релятивизм, оттеснивший догматические системы «эпохи модернити» (и более ранние), и, наконец, современный эмпиризм, изменивший наше представление о рациональности, породили особую социально-философскую установку исследователей социума и культуры. Разнообразные «практики и техники» были поставлены на место системообразующих принципов (экономический или технологический детерминизм, психологизм, логицизм); прагматика возобладала над семантикой, то есть «событие над структурой». Сложилось убеждение, в своей основе кантианское, но неклассическое, что исследование общественных феноменов не в состоянии «пробиться к сущности» сквозь экран культуры, центральным феноменом которой является язык. Объект, как его понимает классическая философия, стал недостижим для абсолютного и «объективного» знания о нем. Классический субъект сменился интерпретатором культуры, и интерпретация (а это лингвистическая операция) стала общепринятым методом познания в гуманитарной сфере. В условиях такого методологического плюрализма эффективность коммуникации ставится под угрозу, познание распадается на индивидуальные «понимания», мнения, позиции, убеждения, и искренность ученого заменяет истинность знания.

В этих социальных условиях для восстановления взаимопонимания ученых, коммуникации вообще, как полагает автор диссертации, необходимо выделить некие объединяющие принципы, и они по своей природе будут гносеологическими. В противном случае плюрализм станет таким же тормозом на пути познания, как и догматизм, а место картезианского *Cogito* займет и уже занял постмодернистский самопорождающий дискурс.

Как прагматика, отказавшаяся от абстрактной высоты семантики и ее информационной силы, превращается в набор сведений, лишь регистрирующих эмпирические факты, так и социальная философия, лишенная объяснительной силы теории познания, теряет высоту и опускается на уровень конкретной науки: теории культуры, теории искусства, социологии и т.д.

Поэтому в данной диссертации постоянно идет обращение к приемам классической и неклассической гносеологии ради более глубокого понимания источников и механизмов социокультурных изменений, происходящих в самосознании европейцев в течение XX века. Обращение к теоретико-познавательным способам получения и организации знаний об

обществе позволит продвинуться *по пути самопознания современного общества*.

Степень разработанности проблемы.

Монографических исследований, посвященных философскому анализу Лингвистического поворота, в отечественной литературе практически нет. Философские словари дают краткие общие сведения о существовании поворота и степени его значимости. Показателен тот факт, что конкретные науки об обществе, например, социология, значительно быстрее отреагировали на Лингвистический поворот, чем собственно философия. Так, в Казанском государственном университете в 90-е гг XX века прошел целый ряд международных конференций социологов в аспекте несомненного признания факта Лингвистического поворота (под общим названием «Кому принадлежит культура», в рамках четырехстороннего Объединенного Европейского проекта). Существенный вклад в изучение и экспликацию причин Лингвистического поворота внес историк Н.Е.Копосов, на чьи исследования во многом опирается настоящая работа; однако в целом это интеллектуальное событие ждет именно философской интерпретации.

В настоящее время имеется возможность говорить об истоках самой лингвистической парадигмы, нашедшей свое воплощение в рамках поворота, собственно в философском ключе. Фундированная в аналитической философской традиции, она, эта парадигма, отсылает к ключевым этапам своего становления.

Вполне отчетливо линия сциентизации языка проступает уже в трудах ученых новоевропейской философской традиции XVII-XVIII веков: Фрэнсиса Бэкона, видящего в «идолах рынка (площади)» существенное препятствие к познанию истины вследствие порождаемых ими неточностей в использовании языка, и Готфрида Лейбница, мечтавшего о так называемом Адамовом языке, в котором понятия сводились бы к некоему *алфавиту человеческих мыслей*, и тогда все, что выводится разумом из данных, могло бы открываться посредством некоторого рода исчисления.

В своем современном прочтении аналитическая традиция заложена в трудах Готтлоба Фреге, Бертрانا Рассела и Людвиг Витгенштейна.

Витгенштейн – ключевая фигура лингвистического поворота, как в его первой фазе «объектной» трансформации философии от философии сознания к философии языка, так и во второй, несущей парадигмальные сдвиги всего философского «здания». В нашей стране исследованию его творчества посвящены труды А.Ф. Грязнова, М.С. Козловой, А.Н. Портнова, З.И. Сокулер, из зарубежных работ выделим труды Г.Х. фон Вригта, Н. Малкольма, Р. Рорти и К.-О. Апеля, хотя список его исследователей мог бы быть значительно больше.

Поздняя концепция Витгенштейна получила свою дальнейшую разработку в рамках кембриджской и оксфордской школ лингвистической философии. К первой принадлежали ученики Витгенштейна, находившиеся под сильным влиянием учителя (работы Дж. Уиздома, М. Лазеровица, А. Эмброуз, Н. Малкольма и др.). Другую школу представили Г. Райл, Дж. Остин, П. Стросон и др. Теория речевых актов Джона Остина послужила методологической основой для сформулированной Юргеном Хабермасом теории коммуникативного действия, эксплицирующей закономерности взаимопонимания участников коммуникативного процесса ничем иным, как связывающим их языком – носителем форм жизни.

Объектом исследования является Лингвистический поворот как *событие*, приведшее к смене классической европейской философской парадигмы и, как следствие, трансформации европейского самосознания. **Предметом исследования** выступают этапы осуществления означенной трансформации в свете общности лингвистических социальноокрашенных интенций ее проponentов.

Цель исследования: выявление имманентных причин трансформации субъектоцентристской философской парадигмы в интеллектуальное движение, фундированное в лингвистическом повороте, и утверждение роли последнего в качестве источника и механизма социокультурных изменений, имевших место в самосознании европейцев в XX веке.

Задачи исследования:

- вывести «язык» в просвет социального бытия путем анализа последнего в качестве символической программы человеческого мышления, растворенной в социальной практике и действии;
- проследить эволюцию философских взглядов на язык от эпохи античности до момента «реализации» Лингвистического поворота;
- рассмотреть истоки и предпосылки формирования классического типа рациональности как атрибута Нового времени, чья методологическая база берется в качестве тезиса, подразумевающего своим антитезисом вторую «прагматическую» фазу Лингвистического поворота;
- эксплицировать в качестве кризисной ситуацию, сложившуюся в философии к концу XIX-го началу XX века, представив последнюю в терминах кризиса нововременной субъектоориентированной познавательной установки;
- очертить логоцентристский этап обращения к языку в качестве первого систематического размышления о новом понимании философии как средстве логического анализа языка;
- обозначить переход к социальному (надындивидуальному) пониманию языка как источнику и механизму социокультурных изменений в свете

второй «прагматической» фазы витгенштейновской философии, ее радикальной трансформации от «структуры» к «событию»;

- рассмотреть теорию речевых актов как пример практического применения философии анализа обыденного языка, получившую последующее развитие в теоретической лингвистике и теории коммуникативного действия;
- проследить трансформирование проблематики лингвистического поворота в теориях ориентированной на язык философии как базиса (интерсубъективных) коммуникативных установок постмодернистского европейского самосознания.

Методологические и теоретические основы исследования. В целом, настоящая работа базируется на генерализации результатов собственно философских и частных научных исследований (логических, математических, лингвистических) в области языка и сознания.

В качестве теоретической и методологической основы исследования были использованы:

- логико-философская концепция Л. Витгенштейна, эксплицирующая природу значимых пропозиций;
- практика «языковых игр» Л. Витгенштейна, теория «речевых актов» Дж. Остина;
- Dasein-аналитика М. Хайдеггера, прогрессивно-регрессивный метод П. Рикера;
- общие формально-логические методы: анализ и синтез, индукция, дедукция и традиция, обобщение и ограничение и др.;
- общая диалектическая установка на принципы всеобщей взаимосвязи, развития, конкретности истины и роли практики в познании.

В ряде случаев были использованы элементы герменевтического анализа.

Теоретическую основу исследования составили логико-философские труды Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа; работы отечественных и зарубежных исследователей философского наследия Л. Витгенштейна А.Ф. Грязнова, М.С. Козловой, З.И. Сокулер, Г.Х. фон Вригта, Н. Малкольма, Р. Рорти; философские работы Дж. Остина; труды по онтологии М. Хайдеггера и исследователей его творчества В.А. Подороги, А.В. Михайлова, С.Н. Ставцева, А.Н. Портнова; герменевтические исследования К.-О. Апеля, П. Рикера; работы по гносеологии и семиотике - В.А. Лекторского, Э.А. Тайсиной, Т. Хилла и др.

Научная новизна и теоретическая значимость работы:

Выявлены симптомы, указывающие на глубинные сдвиги философской парадигматики, что позволило определить механизм социокультурных трансформаций европейского самосознания.

Установлена укорененность языка в социальной ткани надындивидуального бытия, представляющего из себя систему кодов, которые обеспечивают формирование «категориального» сознания человека посредством перехода от симпрактического к синсемантическому характеру функционирования языковых единиц.

В качестве имманентной причины лингвистического поворота может быть определен поиск решений, способных составить альтернативу исчерпавшей себя на данном этапе и ставшей причиной затяжного кризиса «европейских наук» и всего «европейского человечества» философской познавательной модели эпохи «модернити».

Выявлена ограниченность «замкнутой вселенной индивидуального сознания», механицизм и физикализм метода универсальной редукции в социально-гуманитарных науках. Именно эта ограниченность сформировала требующую преодоления преграду на пути развития гуманитарного и социального знания.

Лингвистический поворот определен как проявление диалектического перехода от парадигмальных установок, фундированных в субъекто- и наукоцентризме, к пониманию языка как надындивидуальной смыслообразующей априорной сферы intersubjectивной коммуникации, задающей стандарты и нормы человеческого бытия-в-мире.

Основные результаты исследования, выносимые на защиту:

1. Картина развития взглядов на сущность языка и его структуру от античности до эпохи Нового времени иллюстрирует истоки унифицированного подхода к грамматическим и логическим конструкциям; это приводит к тому, что репрезентативная функция языка и наукообразная форма языкового высказывания в виде суждений о мире по формуле «Дело обстоит так-то» «скрадывает» полноту феномена «языка».
2. Становление классического типа рациональности, фундированного в идеологии Нового времени, обусловило формирование критического подхода, чья методологическая база может быть сформулирована в картезианском «De omnibus dubitandum». Последнее трансформирует онтологическую традицию «что?» в познавательную установку «как?», отсылающую к взаимоотношениям субъекта с противолежащим ему объектом и к логически вытекающему из этой дихотомии вопросу: как

возможен «выход» на объект? Подобная форма вопроса сохранится вплоть до выхода витгенштейновского «Логико-философского трактата», центральный вопрос которого звучит «Как возможна значимая пропозиция?». Предлагаемая трактовка познавательной установки эпохи Нового времени принимается в диссертации как тезис, подразумевающий в качестве своего антитезиса вторую «прагматическую» фазу Лингвистического поворота.

3. Своим «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейн впервые сформулировал максимум о том, что целью философии является логический анализ языка: «логическое прояснение мыслей», их облачение в ясную логическую форму, упорядочивание и организация. Впервые за всю историю философии язык оказывается не средством, а центральным объектом философствования и его методологическим базисом. Дилемма «модернити» преодолевается путем введения изоморфной триады мир – сознание – язык, пронизанной универсализмом логического закона.
4. «Прагматический поворот», имевший место в «Философских исследованиях», связан с предложенным Витгенштейном функционально-деятельностным подходом в отношении понятия «значения». Прагматика «языковых игр» ввела язык, а вместе с ним и всю философию, в плюральный мир смыслов разнообразных «жизненных миров», где остенсивное определение значения слова отнюдь не универсально, а является лишь одним из правил, принятым в одной из «языковых игр». Приравненная к «событию» «языковая игра» преодолевает универсализм и монизм парадигмы Нового времени, отождествляемого со «структурой», и утверждает ей антитезу в виде плюралистской модели эпохи постмодерна. Здесь прослеживается ключевая роль Лингвистического поворота в трансформации европейского самосознания XX века.
5. После «Философских исследований» произошел окончательный (неокантианский) перелом в парадигматике – все социальные и гуманитарные науки признали, что между субъектом (скорее, интерпретатором) и объектом (встроенным в «жизненный» мир социального взаимодействия) существует «экран» всевозможных «языковых игр».
6. XX век – век гипостазирования языка, когда центральным «объектом» философствования (в неклассическом смысле; так как ему не противостоит классический «субъект», а, напротив, последний «растворен» в своем объекте), носителем различных социальных практик и инструментом, формирующим социальное пространство

европейского человечества, признается язык, и в этом согласны философы самых разных направлений.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теоретических основ коммуникации Казанского государственного энергетического университета, на заседании кафедры общей философии Казанского государственного университета. Существенные аспекты содержания настоящей работы изложены в 5 публикациях автора и апробированы в ряде выступлений на международных, российских, межвузовских конференциях, симпозиумах, республиканских форумах и магистерско-аспирантских семинарах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (первая из которых содержит два параграфа, вторая и третья – по три параграфа) и заключения. Список литературы содержит 227 наименований, в том числе 30 публикаций на иностранном языке.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень теоретической разработанности проблемы, определяется теоретико-методологическая основа исследования, формулируется предмет, цель и основные задачи работы, положения, выносимые на защиту, раскрывается новизна, содержащаяся в достигнутых результатах, и научно-теоретическая значимость работы.

Первая глава «Социально-философский анализ языка как символической программы человеческого бытия» очерчивает две магистральные линии исследования, сходящиеся на языке: первая отражает эволюцию философских взглядов на сущность языка, где акценты сдвинуты к проблематике соотношения языка и сознания. Вторая – может быть детерминирована как лингвистическая ветвь анализа. Ее специфика в «хрестоматийной» презентации развития лингвистических учений от эпохи античности вплоть до Нового времени.

В главе два параграфа: § 1 «Теоретико-философская база исследований языка»; § 2 «Эволюция лингвистических учений».

Язык бесконечно многогранен в своих проявлениях. Начиная с античности человечество размышляет о его сущности, выдвигая всевозможные дефиниции языка. Попытки зафиксировать совокупность его свойств позволяют сложить мозаику общих представлений о языке. Выражаясь витгенштейновским стилем, сущность языка просвечивает сквозь сеть объединенных «семейным сходством» дефиниций: потоком звуков, идущих из души через уста, называет речь Платон (фонетический процесс),

на символический характер слов обращает внимание Аристотель, эти исследования продолжают средневековые схоласты (семиотический аспект), о коммуникативной функции языка говорит Джон Локк, называя слова чувственными знаками, необходимыми для общения, а язык – великим каналом, по которому люди передают свои открытия, рассуждения и знания. Лейбниц отмечает, что язык служит человеку также и для того, чтобы рассуждать наедине с самим собой (проблема внутренней речи рассматривается и современной нейролингвистикой). Создатель общего языкознания В. фон Гумбольдт подчеркивает тот факт, что язык есть не продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energeia), и он представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. Семантическое измерение языка в центре внимания основателя московской лингвистической школы сравнительно-исторического языкознания Ф.Ф.Фортунатова, и лидеров Казанской лингвистической, и Тартуской семиотической школ. С позиций исторического материализма раскрывают сущность языка К.Маркс и Ф.Энгельс, называя язык практическим, действительным сознанием, и, подобно сознанию, считают они, язык возникает из потребности общения с другими людьми.

Важнейшей «сущностной» характеристикой языка является, в нашем понимании, его социальная природа, поэтому односторонняя трактовка языка с учетом исключительно его репрезентативной функции обречена на неполноту и «обеднение» данного феномена. Тот факт, что этот аспект был весьма убедительно проработан в трудах А.Р. Лурия, позволил использовать в работе теоретический и методологический подход ученого к проблемам языка и сознания с позиций разработанного им направления – нейролингвистики.

Человеческий язык представляет собой систему кодов, обозначающих предметы и их отношения, с помощью которых предметы вводятся в известные системы или категории. Эта система кодов ведет к формированию отвлеченного мышления («категориального» сознания). Слово как знак, обозначающий предмет, возникло из труда, из предметного действия и общения, то есть на первых этапах истории было *вплетено в практику* (слово носило *симпрактический характер*). Движение же языка проходило по пути формирования системы знаков, связанных друг с другом по значению и образующих систему кодов, которые можно понимать, не зная ситуации и не будучи ее участником (язык как *синсемантическая система*).

Важнейшей функцией слова является проявление его «категориального» или «понятийного» значения: слово не только замещает вещь, не только возбуждает близкие ассоциации, но и анализирует вещь, вводит эту вещь в

систему сложных общественно-исторических связей и отношений. Таким образом слово, обладающее предметной отнесенностью и значением, является основой системы кодов, которые обеспечивают перевод познания человека в новое измерение, что позволяет совершить скачок от чувственного к рациональному, т.е. к возможности как обозначать вещи, так и оперировать вещами в совершенно новом, «рациональном» плане».

В «Поэтике» Аристотеля выделялось восемь «частей» речи: основной звук, слог, союз, имя, глагол, член, флексия, предложение, и под предложенную классификацию философом уже была подведена логическая основа. Таким образом, начиная с эпохи античности и вплоть до XVIII в. логико-грамматический взгляд на структуру языка стал преобладающим в европейской науке. Рационалистическая тенденция XVII века закрепила унифицированный подход к грамматическим и логическим конструкциям. Для означенной эпохи стремление свести смысловую сторону различных языков к единому логическому знаменателю не вызывало сомнений. Самым известным образцом грамматики, построенной по таким принципам, является «Грамматика универсальная и рациональная», составленная в 1660 году Клодом Лансло и Антуаном Арно в аббатстве Пор-Рояль. Теоретической базой рассуждений Лансло и Арно была декартовская (картезианская) философия, в которой обосновывается связь между грамматикой и логикой: если язык выражает мышление, то категории языка являются воплощением категорий мысли. Грамматика поэтому должна при изучении языка опираться на логику. Она должна быть рациональной, логической. Если логика у всего человечества одна, то и грамматика должна быть общей и универсальной.

Таким образом, логико-грамматический подход к системе языка, возобладавший в эпоху античности благодаря трудам Аристотеля, стал доминирующим в языкознании вплоть до XVIII столетия, послужив, с одной стороны, препятствием для развития собственно лингвистических учений, но, с другой, предопределив его философское прочтение и понимание. Последнее, проходя красной нитью через эпоху Нового времени с его основным требованием «точности», позволит вывести на первый план диадку «логика – язык», нашедшую свое наивысшее воплощение в философии логического анализа XX века.

Вторая глава «Трансцендентальный субъект классической философии и дилемма замкнутой вселенной индивидуального сознания» раскрывает истоки кризисной ситуации, сложившейся в философии к концу XIX века через рассмотрение сущности нововременной парадигмы с ее фундаментальными установками на субъекто- и наукоцентризм, механицизм и просветительскую этику. Квинтэссенцией метода становится логический

позитивизм, фундированный в учении Л.Витгенштейна о панлогической картине физического мира, описываемого с помощью значимых пропозиций, в котором противоречия картезианства проступили с новой остротой (наряду с рациональными процедурами логического анализа научных предложений позитивисты вводят практику верифицирующего эксперимента содержащихся в них «фактов» предметного мира). Ответив на «структурный» вопрос «Как есть мир?», Витгенштейн сформулировал максимум о том, что ответ на вопрос «Что есть мир?» лежит по ту сторону языка.

В главе три параграфа: § 1 «Классический тип рациональности»; § 2 «Социально-философский анализ кризиса и последующей трансформации позитивистской познавательной установки»; § 3 «Логоцентризм как квинтэссенция нововременной парадигматики».

XVI-XVII века противопоставляют гегемонии средневековой схоластики Новое мышление Нового человека, формирующееся прежде всего под влиянием научной революции. Философия Нового времени пошла по пути, предложенному Декартом: во-первых, опираясь на принцип радикального сомнения, она не принимала больше ничего на веру. И, во-вторых, осознав свою мыслящую сущность как основу и источник познавательной способности, она перестала искать достоверность вне себя, как в средние века, но нашла ее в себе – в своих чувствах (эмпирики), или в своем разуме (рационалисты). Возникший в XVIII веке «Проект Просвещения» как дело всеобъемлющей модернизации всего человеческого бытия стал прямым следствием всепроникающей веры в торжество человеческого разума. «Просвещение» ратовало за развитие объективной науки, рациональных способов мышления, содержащих в себе «обещание» освобождения от иррациональности мифа, религии, предрассудков и беспочвенных спекуляций.

Принципиальной отличительной особенностью рассматриваемой эпохи стала осознающая себя в его рамках всеобъемлющая картезианская «субъективность»: дихотомия рядоположенных «субъекта» и «объекта» пронизала в статусе осевого противоположения всю концептуальную схему Нового времени, выветив неизбежность возникновения ситуации, когда, выполняя познавательную установку, субъект как пребывающий в себе разум, долженствующий преодолеть границу мира сознания и мира объектов, оказывается заложником собственной субъективности.

Другой отличительной чертой научной установки Нового времени стал так называемый метод *онтической редукции*, суть которого заключена в том, что одно *сущее* в своем фактическом проявлении объясняется из другого *сущего*. Результирующей подобного подхода оказался с одной стороны

методологический монизм как идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования. А с другой – уверенность в том, что точные естественные науки, в частности, математика и физика, дают методологический идеал, или стандарт, по которому измеряют степень развития и совершенства всех других наук, включая социально-гуманитарные.

К концу XIX века наследник нововременного европейского мышления – позитивизм оказался в ситуации кризиса.

Тогда в рамках логицизма начало формироваться ядро теоретических установок и подходов, предложенных Фреге и Расселом, из которого развился целый комплекс логических и философских вопросов, связанных с анализом *языка науки* и соответствующей критикой естественного языка.

Понятие Лингвистического поворота, возникшее, безусловно, многим позже, как ретроспективное обращение к заставившему *говорить* о себе явлению, связано своим *вот* с «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна, впервые сформулировавшего максиму о том, что целью философии является логический анализ языка. Согласно Витгенштейну, язык идеален, рационален сам по себе. Он должен лишь пройти очистку в горниле логически рационализированных процедур – и тогда, откроется его истинная природа, - а именно, быть объективным отображением фактов *мира*.

Природа значимых пропозиций заключена в том, чтобы быть чувственно выраженными (в знаковой форме) образами, картинками реального мира. То же, что делает возможным отображение действительности посредством знака-предложения, есть семантический треугольник, изоморфная связь Мир – Сознание – Язык, возникающая между элементами мира в силу универсальной «логической формы», как мироорганизующего логического закона.

Так как предложение призвано описывать действительность, т.е. отражать лишь факты этой действительности, оно, соответственно, не должно содержать «пустых» знаков, т.е. знаков, не наделенных значением, иначе оно рискует стать бессмысленным. Отсюда знаменитый витгенштейновский критерий «чистоты» языка: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано *ясно*, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать». Таким образом, всякая метафизика изгоняется из языка как не выдерживающая критерия ясности и становится частью области невыразимого. Цель же философии Витгенштейн определяет не поиском истины (истинностных предложений), а видит ее задачу в «логическом прояснении мыслей», их облачении в ясную логическую форму, упорядочивании и организации.

«Выхолощенный» таким образом язык и основанный на его анализе метод философии стал одновременно и квинтэссенцией нововременной парадигматики, и ее преодолением. Субъект-объектная дихотомия снималась посредством языка, но сам язык понимался в самом что ни на есть нововременном ключе – философия представляла как *критика* языка, основанный на логическом анализе языка метод признавался универсальным методом философии, а гипостазирование репрезентативной функции языка – оказывалось апогеем нововременной сциентистской установки.

Но если «Логико-философский трактат» не готовился Витгенштейном как некий эпистемологический прорыв, а возник из методичной разработки логических проблем, затрагивающих обоснование оснований математики, то гносеологами он был истолкован как переход от теории познания к аналитике языка, означавшей в неопозитивистском толковании еще большее заострение дихотомии субъективизма и реализма, взятых в единстве концептуально несовместимого. Тем самым в рамках логического позитивизма осуществилась явная абсолютизация репрезентативной функции языка. То, что дало «венцам» возможность перевести всю проблематику «Трактата» в плоскость гносеологии определяется тем, что Витгенштейн декларировал язык «границей мышления», а соответственно и мира, назвав все, что лежит по ту сторону, – бессмыслицей. Область его действия ограничивается, следовательно, областью *фактов*, чья дескрипция, по мнению «венцев», может быть получена путем фиксации чувственных впечатлений посредством протокольных предложений. Задача же философии сводится, таким образом, к окончательному прояснению языка путем его приведения в соответствие с изучаемыми явлениями и к полному контролю над соблюдением правил логического синтаксиса.

Соединяя, таким образом, в себе рациональные логические процедуры анализа с классическим идеалистическим сенсуализмом, логический позитивизм стал завершающей фазой гносеологической установки Нового времени, фундированной в субъекто- и наукоцентризме.

Таким образом, стало ясно, что ничто иное как субъективизм (с парной ему категорией объективизма), выраженный будь то в чувственной, будь то рациональной форме, есть корень неразрешимой проблемы познания. А, следовательно, и двухчастная эпистемологическая модель требовала кардинального пересмотра.

Третья глава «Переход к социальному (надындивидуальному) пониманию языка как источнику и механизму социокультурных изменений» посвящена анализу парадигмальных сдвигов, возникших в результате перехода Лингвистического поворота в свою вторую фазу: из объекта философствования язык превращается в нечто неоспоримо большее, а

именно, в доминанту всякого, будь то социального или растворенного в нем индивидуального бытия. Примат языка над сущим, но и над Хайдеггеровским *Sein* формирует социальное пространство европейского человечества во второй половине XX века.

В главе три параграфа: § 1 «Прагматическое измерение Лингвистического поворота в контексте надиндивидуальной языковой игры: от «структуры» к «событию»; § 2 «Теория речевых актов как практическое применение философии анализа обыденного языка»; § 3 «Трансформирование проблематики Лингвистического поворота в (интерсубъективную) коммуникацию».

Разочаровавшись в идее совершенного логического языка, Витгенштейн обращается к естественному языку, к реальной речевой деятельности людей, к их коммуникативной практике.

«Поздний» Витгенштейн ставит во главу угла понимание и представляет философию как чисто дескриптивную науку, чья цель опять-таки сводится к прояснению. Только на этот раз, говоря о ясности, Витгенштейн вкладывает в это понятие диаметрально противоположный смысл, нежели в своей ранней концепции. Прояснение – есть средство избавления от довлеющего понятия «значения», подразумевающего обращение к некоей стоящей за ним сущности, поиска предмета, непременно должного соотноситься с существительным. Истоки подобных представлений кроются в остенсивных способах обучения языку, в заложенных в нас «формах» первого знакомства со словами – неверно сформированное в нас понятие значения мешает ясно осознать, как же в действительности функционирует язык.

В диссертации показано, что терапевтические меры, в их приложении к естественному языку, привели Витгенштейна к совершенно новой трактовке языка, как совокупности «языковых игр», присущих тем или иным «формам жизни». «Языковая игра» выступает элементарной значимой компонентой языковой конструкции, в рамках которой функционируют слова, подчиненные определенным правилам, диктуемым «игрой». Диапазон игр довольно широк – от примитивных игр «называния», «проговаривания», до изощренных игр, включенных в канву разнообразных действий. Слова функционируют в языке согласно правилам глубинной грамматики, отражающей концептуальные структурные связи, пронизывающие языковую практику.

Отсюда рождается новое понимание значения как *употребления* слова в языке. Вместо статичной конструкции значения – объекта, появляется динамичная структура понятия значения, представленная на практике разветвленной системой «семейных сходств». Витгенштейн говорит о «семейных сходствах» по аналогии со сходством тех или иных черт,

свойственных членам одной семьи. Как и последним, отдельному значению присущи, с одной стороны, черты, позволяющие отнести его к данной семантической «семье», с другой же, – сугубо индивидуальные особенности, возникшие по ходу «игры» с данным словом.

Автор подчеркивает, что подобный подход, позволяющий анализировать «значение» в рамках разнообразных языковых практик, предоставляет широкие возможности для изучения последнего. Преодолевая логическую строгость своего раннего подхода, Витгенштейн расширил тем самым границы языка, устанавливая подвижные очертания для значений входящих в него слов. Если язык времен Трактата «признавал» лишь значимые пропозиции, имеющие дело с фактами и полностью «исключал» из научного дискурса «бессмысленные» метафизические сентенции, то язык времен «Исследований» включил в себя всю совокупность наличных языковых средств и явлений во всей их полноте.

«Прагматический поворот», имевший место в «Философских исследованиях», во многом связан с предложенным Витгенштейном функционально-деятельностным подходом в отношении понятия «значения», позволившего расширить рамки синтаксического и семантического анализа языковых явлений введением третьей, прагматической, компоненты.

Важно, что переход к прагматике языковых игр очертил новую фазу в развитии философии, введя язык, а вместе с ним и всю философию в плюральный мир смыслов разнообразных «жизненных миров», где остенсивное определение значения слова отнюдь не универсально, а является лишь одним из правил, принятым в одной из «языковых игр». Значение в этом случае остается «значимым», если слово обеспечивает понимание в рамках коммуникативного акта, заданного определенной языковой игрой, и несет в себе смысл, значимый и понятный для участников конкретной языковой игры.

Соискатель ставит акцент на идеях Джона Остина. Это один из типичных представителей поствитгенштейновского периода. На базе его идей в 70-80-е годы развились исследования речевых актов, представляющие собой уже не столько лингвистическую философию, сколько область теоретической лингвистики (Дж. Серл, М. Даммит, Д. Дэвидсон и др.) В основе концепции Остина лежит идея аналитической философии о том, что главной целью философского исследования является прояснение выражений обыденного языка, поэтому многие его выступления были направлены против неверного, т.е. нарушающего логику «обыденного» языка, употребления слов и фраз отдельными философами. Подобную поствитгенштейновскую терапию можно разобрать на примере анализа такого термина как «истина» («истинный»). «Термина», так как сам Остин

настаивал на том, что философам следует прикладывать свои усилия только к соразмерному им самим. А значит, следует обсуждать применение или определенные использования *слова* «истинный», вместо того чтобы спрашивать себя, является ли истина субстанцией, или она представляет собой качество, либо отношение. В диссертации подчеркивается, что прилагательное «истинный», по Остину, не должно применяться ни к пропозициям, так как последние не содержат непосредственного отчета о текущем наблюдении», ни к словам, ни к предложениям, а исключительно к утверждениям (statements), ибо каждое утверждение кем-то делается, и его производство есть историческое событие – высказывание конкретным говорящим или пишущим определенных слов (предложений) для аудитории с указанием на историческую ситуацию, событие или что-либо еще. Утверждение, в отличие от предложения, не *состоит из* слов, а *делается с помощью* слов. В нем содержится ясное указание на историческое использование предложения говорящим. Тем самым «разговор» об истине сводится к разговору о лингвистических конвенциях: *дескриптивных*, ставящих слова и предложения в соответствие с *типами* ситуаций, вещей, событий и т.д., которые могут быть обнаружены в мире, и *демонстративных*, ставящих слова и предложения в соответствие с историческими ситуациями, которые могут быть обнаружены в мире. Признанием же чисто конвенционального характера отношений между символами и тем, к чему эти символы относятся, доказывается изначальная обреченность на неудачу всякой попытки сформулировать теорию истины как образа, так как для слов, используемых в производстве истинного утверждения не возникает никакой необходимости каким-либо способом, даже косвенным, «зеркально отражать» любые свойства некоторой ситуации или события, а утверждению – воспроизводить «структуру» или «форму» реальности.

Автор утверждает, что «освобождение» языка и утверждение идеологии, основанной на примате контекстуальной плюральности, разнообразии «жизненных форм» вызвало к жизни крайне релятивистские тенденции и настроения. Повергнув в прах большую часть картезианского наследия, новая парадигма обрела следующее содержание: между субъектом (скорее, интерпретатором) и объектом (встроенным в «жизненный» мир социального взаимодействия) существует «экран» всевозможных «языковых игр», определяющий существо этого взаимодействия в горизонте надындивидуальной (социальной) динамики настоящего-прошлого-будущего.

Диссертант утверждает, что в Лингвистический поворот вошли мыслители самых разных, в том числе конкурирующих философских

взглядов. Так, путь Хайдеггера, как и путь Витгенштейна укрупненно может быть детерминирован как путь к языку. Безусловно, каждый прошел его по-своему – один в рамках аналитической традиции, которые, по сути, им самим и были установлены, другой, освободившись от тенет феноменологии, проложил свой собственный – путь к гипостазированию языка.

В аналитике Dasein «Бытия и времени» речь, наряду с экзистенциально равноисходными с ней расположением и пониманием, детерминирована в качестве одного из конститутивных способов присутствия быть своим вот, т.е. она конститутивна для экзистенции присутствия как экзистенциальное устройство его разомкнутости. В наиболее общем виде, речь определяется Хайдеггером как значимое членение расположенной понятности бытия-в-мире. Как исходный экзистенциал разомкнутости, конституирующейся изначально через бытие-в-мире, речь имеет свой специфически *мирный* способ бытия – *язык*, в котором значимое целое понятности *берет слово*. Таким образом, речь служит экзистенциально-онтологическим фундаментом языка, слова которого как бы «прирастают» к речевым значениям. Тем самым процесс фундирования значений в словах движется от разомкнутой в значимости понятности бытия-в-мире, а не от внутримирно наличных вещей.

В диссертации демонстрируется, что язык играет непосредственную роль в конституции феномена падения Dasein, являющегося в свою очередь одним из центральных композиционных и смысловых центров «Бытия и времени». Путь падения Dasein – это во многом путь языка: принадлежащая к разомкнутости присутствия речь, посредством которой присутствие выговаривает себя как раскрывающее бытие к сущему, большей частью проговаривается и себя всегда уже проговорила. Тем самым она есть язык, который как проговоренность таит в себе истолкованность понятности присутствия, то есть его ради-чего, а, соответственно, и коррелирующую с ним значимость как разомкнутость полного бытия-в-мире присутствия. Однако выговоренное сильно рискует «падением» до уровня толков, так как, будучи уже выговоренным, оно делается как бы внутримирно подручным, которое можно подхватить и снова проговорить, тем самым раскрытость усваивается в широких масштабах не через всякий раз свое открытие, но через вторение тому, что на слуху.

После написания «Бытия и времени» Хайдеггер в течение нескольких десятилетий вновь и вновь обращается к вопросу о соотношении Dasein и бытия, экзистенции и бытия, все более глубоко и решительно подвергая ревизии свою прежнюю позицию. Акценты все более переносятся с философско-антропологического к метафизическому, онтологическому измерению, на первый план выдвигается уже не антропологизированное Dasein, бытие-сознание, а бытие как таковое (Sein). В конце 40 – начале 50-х

годов этот «поворот» становится все более отчетливым, а тема языка становится одной из главных в произведениях позднего Хайдеггера.

Что же такое язык? Какова его сущность? Как заслужил он звание называться «домом бытия»? Хайдеггер полагает, что захотеть помыслить язык – значит вступить в *говор* языка, для того чтобы пребывать при языке, т.е. быть при его, а не при своем говорении. Только так, полагает философ, достигнем мы сферы, внутри которой язык проговорит нам свою сущность, и в нем же найдем мы прибежище для исполнения сущности смертных, т.е. нашей сущности. Но где нам найти, где встретить говор языка? – Ближайшим образом в самом разговоре. Однако это прошлое языка, чистый же говор – есть поэзия – именно в ней, по мнению Хайдеггера, происходит завершение языка. Создание альтернативного языкового универсума подразумевает, прежде всего, отказ от субъектно-предикатных структур, навязывающих предметный модус речи. Его основой выступает новое «дефисное» письмо и «говорящий» язык. При этом в большей мере Хайдеггер ориентируется на язык искусства или «поэзиса».

Интерпретируя радикальное переосмысление Хайдеггером оснований языка в терминах позднего Витгенштейна, отечественные философы, например, Б.В.Марков, детерминируют ее в качестве радикальной коммуникативной революции, в ходе которой происходит деструкция прежних языковых и мыслительных предпосылок и конструкция новой «языковой игры», опирающейся не на представление, а на данность бытия как дара. Правила «языковой игры» удовлетворяют интенциям Хайдеггера прежде всего в том, что согласно установлению Витгенштейна опираются на неявные допущения, определяющие внутри «игры» как вопросы, так и ответы, истинность и ложность которых недоказуема обычным способом. Подобное допущение коррелирует с (некритически) введенным Хайдеггером в качестве основания бытием: избавленное от регресса в бесконечность основание всех оснований – абсолютное, по отношению к которому привычная игра доказательства и обоснования уже не применима; нельзя задавать вопросы, допустимые в рамках «языковой игры» к другим, не базисным элементам. Другой важный момент заключается в том, что если игра оказывается непродуктивной, ее можно изменить путем введения иных правил – новых непересматриваемых допущений. Тем самым правила оказываются проверяемыми не сами по себе, а лишь в контексте эффективности игры. С данным допущением соотносима «судьба бытия»: в каком-то смысле такая «игра», какой является европейская культура, оказалась на исходе XIX столетия непродуктивной, и поэтому вполне правомерно возник вопрос о корректировке ее основных интенций. В диссертации утверждается, что европейская культура – это не столько

«игра», сколько форма жизни: ее изменения или слом чреватые опасными последствиями, они способны вызвать сопротивление всех тех социальных, технических, телесных или ментальных структур, которые сформировались как объективация и аппликация исходных правил. Вместе с тем, если подобные конвенциональные правила и допустимы в «языковой игре» бытия, то лишь как претворение «судьбы бытия», как его «соизволение».

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются пути дальнейшего философского изучения проблемы Лингвистического поворота и его роли в трансформации европейского самосознания.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Фазылова Е.Р. Взгляд на соотношение априорности языка и априорности сознания сквозь призму «интенциональной семантики» // Материалы II Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования». Ч.2. – Тамбов, 2004.
2. Фазылова Е.Р. Вклад Майкла Даммита в изучение категорий языка, истины и значения // Материалы I Международной научно-практической конференции "Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики": "Гуманитарные науки и образование. Часть III". – Тольятти, 2004.
3. Фазылова Е.Р. Лингвофилософская концепция «обыденного» языка Людвига Витгенштейна // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Человек в мире культуры». – Екатеринбург, 2004.
4. Фазылова Е.Р. Трансформация понятия «значения» как отражение фундаментальных различий ранней и поздней концепций Людвига Витгенштейна // Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация. Типология языков. Теория перевода». – М. – Казань: МГУ – КГУ, 2004.
5. Фазылова Е.Р. Лингвистический поворот и его роль в трансформации европейского самосознания XX века // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». №5 (59), 2007. (Издание, рекомендованное ВАК РФ).